

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

АДАПТИВНАЯ ПАРАНОЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: БРЕДОВАЯ НАСТРОЕННОСТЬ ИЛИ ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ параноидных психических черт не как патологического симптома, а как потенциально высокоадаптивной стратегии выживания в среде, где доверие сопряжено с экзистенциальным риском. На основе эволюционно-психологического подхода рассматривается гипотеза о том, что склонность к сверхбдительности, подозрительности и интерпретации действий других как враждебных могла развиться как механизм детекции социальных угроз в конкурентных групповых условиях. Особый фокус сделан на пенитенциарной среде, где подобная стратегия демонстрирует свою функциональность, способствуя физическому выживанию индивида. Однако далее анализируется обратная сторона этой адаптации: закрепляясь в структуре личности, «адаптивная параноя» ведет к ригидности, социальной изоляции и неспособности к функционированию в безопасном обществе, создавая феномен «институционализированной личности». Статья интегрирует данные клинической психиатрии, эволюционной психологии и пенитенциарных исследований, предлагая комплексный взгляд на паранюю как на явление, находящееся на пересечении нормы и патологии.

Ключевые слова: параноя, эволюционная психология, адаптация, пенитенциарная среда, параноидное расстройство личности, институционализация, социальная угроза, доверие.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

ADAPTIVE PARANOIA IN PRISON: DELUSIONAL TYPE OR EVOLUTIONARY ADVANTAGE?

Annotation. The article provides a theoretical analysis of paranoid mental traits not as a pathological symptom, but as a potentially highly adaptive survival strategy in an environment where trust is associated with existential risk. Based on an evolutionary psychological approach, the hypothesis is considered that the tendency to hypervigilance, suspicion, and interpretation of others' actions as hostile could have evolved as a mechanism for detecting social threats in competitive group conditions. Special focus is placed on the penitentiary environment, where such a strategy demonstrates its functionality, contributing to the individual's physical survival. However, the reverse side of this adaptation is further analyzed: becoming entrenched in the personality structure, «adaptive paranoia» leads to rigidity, social isolation, and an inability to function in a safe society, creating the phenomenon of an «institutionalized personality». The article integrates data from clinical psychiatry, evolutionary psychology, and penitentiary research, offering a comprehensive view of paranoia as a phenomenon at the intersection of normality and pathology.

Key words: paranoia, evolutionary psychology, adaptation, penitentiary environment, paranoid personality disorder, institutionalization, social threat, trust.

Введение. В классической психиатрии параноя рассматривается прежде всего как симптом психоза или стержневое расстройство параноидной личности, характеризующееся необоснованным недоверием, подозрительностью и интерпретацией нейтральных событий как угрожающих. Этот взгляд, безусловно, верен в клиническом контексте, где подобные черты при-

няют значительные страдания и нарушают социальное функционирование. Однако если отойти от исключительно патологической парадигмы и взглянуть на феномен через призму эволюционной психологии и экологии специфических сред, возникает провокационный вопрос: может ли параноидная настроенность быть не ошибкой восприятия, а адаптивной стратегией, «калиброванной» для выживания в условиях хронической и реальной опасности? Особую остроту этот вопрос приобретает в контексте пенитенциарных учреждений – среды, где угроза насилия, эксплуатации и предательства не является продуктом больного воображения, а составляет повседневную реальность. Высокая распространенность параноидных черт среди заключенных, достигающая, по некоторым данным, 23%, заставляет задуматься не только об импорте психических расстройств в тюрьму, но и о возможном формировании или усилении этих черт как функционального ответа на среду [1]. Данная статья предлагает концептуальный разбор паранойи как потенциального эволюционного преимущества, которое, однако, платит за свою эффективность тотальной трансформацией личности, делая ее неспособной к жизни за пределами «экологической ниши», для которой она была оптимальна. Подобный анализ позволяет переосмыслить не только природу параноидных явлений, но и саму цель пенитенциарной системы, балансирующей между карательной функцией и задачей ресоциализации.

Эволюционные корни параноидного мышления: от детекции угроз к социальной настороженности. Современные эволюционные теории предполагают, что параноидное мышление, в его мягких, субклинических формах, является частью нормального спектра человеческого социального познания, сформированного под давлением естественного отбора [2]. В условиях жизни небольшими, внутренне конкурентными группами, где коалиции могли формироваться и распадаться, а ресурсы были ограничены, способность быстро обнаруживать потенциальных врагов, улавливать скрытые намерения и предвидеть заговоры давала прямое преимущество в выживании и репродукции. С эволюционной точки зрения, цена ложноположительной ошибки (заподозрить угрозу там, где ее нет) была значительно ниже, чем цена ложноотрицательной (не распознать реальную опасность). Таким образом, когнитивная предрасположенность к гипертрофированной оценке враждебности окружающих могла закрепиться как адаптивный механизм. Этот «предубеждающий» модуль мышления, вероятно, тесно связан с такими фундаментальными системами, как распознавание лиц и эмоций, особенно

гнева и отвращения, а также с нейронными сетями, ответственными за теорию психического (mentalizing), которая в данном случае работает в «реверсивном» режиме – не для понимания, а для выявления скрытого злого умысла.

Этот механизм не является сугубо человеческим. Способность различать членов своей и чужой группы, отслеживать социальные альянсы и реагировать на потенциальные угрозы наблюдается у многих социальных животных. У человека он достиг высокой сложности, включив в себя способность к абстрактному мышлению и построению нарративов, что, в свою очередь, создало почву для формирования развернутых картин преследования и конспиративных объяснений. Исследования показывают, что параноидные идеи существуют в популяции непрерывно, образуя спектр от легкой социальной настороженности до бредовых убеждений [3]. Это континуальное распределение поддерживает идею об их глубинном эволюционном базисе, а не исключительно о патологическом процессе. Интересно, что нейровизуализационные исследования указывают на повышенную активность миндалины (амигдалы) и островковой доли у лиц с параноидными чертами при просмотре социально неоднозначных стимулов, что коррелирует с эволюционно древними системами обнаружения угрозы и обработки сигналов, связанных с доверием и риском [4].

Пенитенциарная среда как «естественный эксперимент»: где паранойя становится адаптивной. Тюремная система представляет собой уникальную, почти лабораторную модель среды, в которой гипотеза об адаптивности паранойи может быть проверена. Это мир, где базовое доверие, необходимое для нормальных социальных взаимодействий, не только не является нормой, но и может быть смертельно опасным. Угроза физического насилия, психологического манипулирования, воровства и формирования иерархий через агрессию – постоянный фон жизни заключенного. В таких условиях сверхбдительность, скрытность, интерпретация любых неоднозначных действий как потенциально враждебных и отказ от доверительных отношений перестают быть симптомами расстройства и превращаются в рациональные, жизненно важные поведенческие стратегии. Эта среда искусственно воспроизводит и усиливает те самые эволюционно значимые параметры (высокая конкуренция, ограниченные ресурсы, непредсказуемость намерений других), которые, вероятно, и способствовали формированию протопараноидных механизмов в филогенезе.

Эмпирические исследования подтверждают эту логику. Лица с высоким уровнем параноидных

черт демонстрируют в экспериментальных играх снижение кооперации и повышенную склонность к наказанию партнеров, что в контексте тюрьмы может интерпретироваться как предотвращение эксплуатации [5]. Более того, распространенность расстройств кластера А (к которому относится параноидное расстройство личности) среди заключенных многократно превышает популяционные показатели [6]. Хотя часть этих случаев может быть «импортирована», нельзя исключать и процесс «депривации», формирования или усиления данных черт под прямым влиянием тюремной среды. Постоянная необходимость сканирования окружения на предмет угроз, выявления скрытых мотивов и поддержания эмоциональной дистанции создает устойчивый паттерн мышления и поведения, который в рамках данной системы является функциональным. Это яркий пример того, как контекст определяет границу между адаптацией и психопатологией. Показательно, что новички в тюрьме, не обладающие изначально выраженными параноидными чертами, быстро усваивают «правила игры», и их восприятие социального мира претерпевает сдвиг в сторону большей подозрительности, что можно рассматривать как быструю, ситуативную адаптацию. Однако при длительном воздействии эта ситуативная стратегия кристаллизуется в устойчивую личностную черту [7].

Цена адаптации: «институционализация» личности и крах ресоциализации. Парадокс «адаптивной паранойи» заключается в том, что ее эффективность в одной среде оборачивается катастрофической дезадаптацией в другой. Психологические защиты и когнитивные схемы, отточенные годами выживания в условиях тюрьмы, срастаются с личностью, формируя то, что можно назвать «институционализированной параноидной личностью». Ригидность мышления, неспособность к гибкой оценке социальных ситуаций, генерализованное недоверие, подозрительность и отстраненность становятся не стратегиями, а чертами характера. Нейропластичность мозга, изначально позволившая адаптироваться к опасной среде, теперь работает против индивида, закрепляя дезадаптивные для свободы нейронные пути. Развивается специфический когнитивный стиль, для которого характерны сверхобобщение (единичный негативный опыт распространяется на всех людей), персонализация (нейтральные события интерпретируются как имеющие к себе прямое, обычно негативное отношение) и дихотомическое мышление («либо друг, либо враг», «либо доверять полностью, либо не доверять вообще») [8].

Когда такой человек оказывается на свободе, его психический аппарат, настроенный на

постоянный анализ угроз, продолжает работать в том же режиме. Однако среда радикально изменилась: большинство социальных сигналов теперь нейтральны или дружелюбны, кооперация и доверие являются необходимыми условиями для трудоустройства, создания семьи, интеграции в общество. Когнитивная система, оптимизированная для мира тюрьмы, дает сбой. Нейтральные взгляды прохожих воспринимаются как оценивающие или угрожающие, предложения помощи воспринимаются как попытки манипуляции, требования социального взаимодействия расцениваются как вторжение и опасность. Это приводит к глубокой социальной изоляции, конфликтам, тревоге и часто к рецидиву правонарушений как к единственной знакомой и предсказуемой среде. Возникает порочный круг: дезадаптивное поведение, порожденное параноидной установкой, вызывает реальное отвержение со стороны общества, что, в свою очередь, подтверждает и усиливает исходное убеждение в его враждебности. Таким образом, «адаптивная паранойя» оказывается ловушкой. Она обеспечивает выживание в краткосрочной, экстремальной перспективе, но ценой необратимых изменений личности, которые блокируют возможность успешной жизни в нормальном обществе. Эволюционное преимущество оборачивается эволюционным тупиком в масштабе жизни одного индивида, а тюрьма, по иронии, создает идеальных «обитателей» для самой себя [9].

Клинические и организационные импликации. Понимание паранойи через призму контекстуальной адаптации имеет глубокие практические последствия для пенитенциарной психиатрии и системы ресоциализации. Во-первых, оно требует пересмотра диагностического подхода: выраженные параноидные черты у длительно отбывающих наказание должны оцениваться не только как симптом расстройства, но и как возможный результат функциональной адаптации к среде [6; 10]. Это не отменяет необходимости лечения в случаях выраженного дистресса, но добавляет важный компонент к пониманию случая. Дифференциальная диагностика между «первичным» параноидным расстройством личности и «вторичной», ситуативно-индуцированной параноидной адаптацией становится критически важной для прогноза и выбора методов терапии.

Во-вторых, становятся очевидными ограничения традиционной психотерапии, направленной исключительно на коррекцию «иррациональных убеждений». Для личности, чьи убеждения сформированы и многократно подкреплены реальным опытом выживания в опасной среде, такие интервенции могут восприниматься как

наивные и неуместные. Более эффективным может быть подход, который признает адаптивную ценность этих паттернов в прошлом контексте и фокусируется на постепенном обучении дифференциации сред: помощи в разработке новых, более гибких схем поведения для условий безопасности, без требования мгновенного отказа от старых, жизненно важных когда-то стратегий. Методы, основанные на принципах диалектико-поведенческой терапии (DBT) и терапии принятия и ответственности (АСТ), которые учат осознанности, толерантности к дистрессу и ценностно-направленному поведению в различных контекстах, могут оказаться более уместными. Также перспективным представляется тренинг социального познания, направленный на точное распознавание эмоций и намерений других людей в безопасных условиях [10].

В-третьих, это ставит серьезные вопросы перед пенитенциарной системой в целом. Если сама среда учреждения активно формирует личностные черты, несовместимые с жизнью на свободе, то ее ресоциализирующая функция терпит крах. Необходимы структурные изменения, направленные на создание внутри учреждений элементов просоциального взаимодействия, безопасного доверия и ответственности, которые могли бы служить «тренировочным полигоном» для будущей жизни в обществе. Это может включать в себя программы наставничества, восстановительное правосудие, проекты, требующие сотрудничества между заключенными и внешними волонтерами, а также изменение самой организационной культуры учреждений в сторону большей транспарентности и справедливости, что снижает почву для формирования общих установок на скрытность и недоверие [7; 11]. Ключевым принципом должно стать создание «мостов» между тюремной и внешней социальной реальностью, а не усугубление разрыва между ними.

Заключение. Паранойя, рассматриваемая исключительно как бредовая настроенность, представляет собой лишь часть сложного феномена. Эволюционно-психологический анализ и наблюдения за пенитенциарной средой позволяют увидеть в ней потенциально адаптивную стратегию сверхбдительности, сформированную для выживания в условиях, где социальный мир полон реальных угроз. В контексте тотальной институционализации эта стратегия демонстрирует свою функциональность, способствуя физической безопасности индивида. Однако ее обратной стороной является глубинная трансформация личности, ее «окаменение» в ригидных, недоверчивых паттернах. Освободившись, человек оказывается в положении эволюционного

анахронизма: его психический аппарат, идеально приспособленный для мира тюрьмы, оказывается глубоко дезадаптивным в мире, требующем кооперации и доверия [12; 13].

Таким образом, «адаптивная паранойя» является трагическим парадоксом, в котором инструмент выживания в экстремальных условиях превращается в пожизненную психологическую тюрьму. Преодоление последствий такой адаптации требует не только индивидуальной терапевтической работы, но и фундаментального переосмысления того, как пенитенциарные системы, предназначенные для исправления, не должны становиться машинами по производству личностей, неспособных к жизни на свободе. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение нейробиологических основ такой контекстозависимой адаптации (например, долгосрочных изменений в работе миндалины и префронтальной коры) и на разработку средовых и терапевтических интервенций, способных предотвратить или смягчить процесс институционализации личности. Понимание паранойи как адаптации, вышедшей из-под контроля, открывает новые пути для более гуманной и эффективной пенитенциарной практики, где безопасность и ресоциализация перестают быть взаимоисключающими целями.

Список литературы:

- [1] Yousefi F., Mohammadi M. R., Rahimi C., Farahzadi M. H. Predictors of personality disorders in prisoners // *Journal of Medical and Life*. – 2022. – Vol. 15, no. 4. – P. 454–461. – DOI: 10.25122/jml-2021-0317.
- [2] Raihani N. J., Bell V. An evolutionary perspective on paranoia // *Nature Human Behaviour*. – 2019. – Vol. 3, no. 2. – P. 114–121. – DOI: 10.1038/s41562-018-0495-0.
- [3] Freeman D., Loe B. S. Explaining paranoia: cognitive and social processes in the occurrence of extreme mistrust // *BMJ Mental Health*. – 2023. – Vol. 26, no. 1. – Art. e300880. – DOI: 10.1136/bmj-ment-2023-300880.
- [4] Green M. J., Phillips M. L. Social threat perception and the evolution of paranoia // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. – 2004. – Vol. 28, no. 3. – P. 333–342. – DOI: 10.1016/j.neubiorev.2004.03.006.
- [5] Raihani N. J., Bell V. Conflict and cooperation in paranoia: a large-scale behavioural experiment // *Psychological Medicine*. – 2018. – Vol. 48, no. 9. – P. 1523–1531. – DOI: 10.1017/S0033291717003075.
- [6] Cunha O., Rodrigues A. C., Caridade S., das Neves Almeida T. The impact of imprisonment on individuals' mental health and society reintegration:

study protocol // BMC Psychology. – 2023. – Vol. 11, no. 1. – Art. 215. – DOI: 10.1186/s40359-023-01252-w.

[7] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – New York: Free Press, 1992. – 344 p.

[8] Jain L., Torrico T. J. Paranoid Personality Disorder // StatPearls [Electronic resource] / Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2024.

[9] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[10] Carvalho C. B., Pereira V., Sousa M., Motta C., Gouveia J. P., Caldeira S. N., Peixoto E. B., Fenigstein A. Paranoia in the general population: a revised version of the general paranoia scale for adolescents // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, no. 23. – P. 211–222. – DOI: 10.19044/esj.2014.v10n23p211.

[11] Kennair L. E. O., Kleppestø T. H., Jørgensen B. E. G., Larsen S. M. Evolutionary Clinical Psychology // Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science / ed. by T. K. Shackelford, V. A. Weekes-Shackelford. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 1–8. – DOI: 10.1007/978-3-319-16999-6_688-1.

[12] Игумнов С. А., Искандаров Р. Р. Пробация в отношении лиц с психическими расстройствами: организационно-правовые и клинко-социальные особенности реализации в Российской Федерации // Психическое здоровье. – 2025. – Т. 20, № 11. – С. 13–19. – DOI: 10.25557/2074-014X.2025.11.13-19. – EDN VXUBQR.

[13] Искандаров Р. Р. Влияние ограничения свободы на автономию и самоидентификацию лиц с психическими расстройствами в пенитенциарных условиях // Право и управление. – 2025. – № 6. – С. 49–52. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-49-52. – EDN TKWEFB.

References:

[1] Yousefi F., Mohammadi M. R., Rahimi C., Farahzadi M. H. Predictors of personality disorders in prisoners // Journal of Medical and Life. – 2022. – Vol. 15, no. 4. – P. 454–461. – DOI: 10.25122/jml-2021-0317.

[2] Raihani N. J., Bell V. An evolutionary perspective on paranoia // Nature Human Behaviour. – 2019. – Vol. 3, no. 2. – P. 114–121. – DOI: 10.1038/s41562-018-0495-0.

[3] Freeman D., Loe B. S. Explaining paranoia: cognitive and social processes in the occurrence of extreme mistrust // BMJ Mental Health. – 2023. – Vol.

26, no. 1. – Art. e300880. – DOI: 10.1136/bmj-ment-2023-300880.

[4] Green M. J., Phillips M. L. Social threat perception and the evolution of paranoia // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. – 2004. – Vol. 28, no. 3. – P. 333–342. – DOI: 10.1016/j.neubiorev.2004.03.006.

[5] Raihani N. J., Bell V. Conflict and cooperation in paranoia: a large-scale behavioural experiment // Psychological Medicine. – 2018. – Vol. 48, no. 9. – P. 1523–1531. – DOI: 10.1017/S0033291717003075.

[6] Cunha O., Rodrigues A. C., Caridade S., das Neves Almeida T. The impact of imprisonment on individuals' mental health and society reintegration: study protocol // BMC Psychology. – 2023. – Vol. 11, no. 1. – Art. 215. – DOI: 10.1186/s40359-023-01252-w.

[7] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – New York: Free Press, 1992. – 344 p.

[8] Jain L., Torrico T. J. Paranoid Personality Disorder // StatPearls [Electronic resource] / Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2024.

[9] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[10] Carvalho C. B., Pereira V., Sousa M., Motta C., Gouveia J. P., Caldeira S. N., Peixoto E. B., Fenigstein A. Paranoia in the general population: a revised version of the general paranoia scale for adolescents // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, no. 23. – P. 211–222. – DOI: 10.19044/esj.2014.v10n23p211.

[11] Kennair L. E. O., Kleppestø T. H., Jørgensen B. E. G., Larsen S. M. Evolutionary Clinical Psychology // Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science / ed. by T. K. Shackelford, V. A. Weekes-Shackelford. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 1–8. – DOI: 10.1007/978-3-319-16999-6_688-1.

[12] Igumnov S. A., Iskandarov R. R. Probation in relation to persons with mental disorders: organizational and legal and clinical and social features of implementation in the Russian Federation // Mental health. – 2025. – Т. 20, NO. 11. – S. 13–19. – DOI: 10.25557/2074-014X.2025.11.13-19. – EDN VXUBQR.

[13] Iskandarov R. R. Effect of restriction of freedom on autonomy and self-identification of persons with mental disorders in prison settings // Law and administration. – 2025. – № 6. – S. 49–52. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-49-52. – EDN TKWEFB.

